

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава четырнадцатая Трудодни

Язык, и телятам понятный

Тот, кому когда-нибудь приходилось пасти скот, знает, что проще всего управляться с коровами. Среди них попадаются порой неуравновешенные особи, норовящие ткнуть вас в бок рогом или перевернуть во время дойки ведро с молоком, но в основном это существа мирные, смиренные, с хорошо развитым стадным инстинктом. Они вдумчиво щиплют траву, медленно передвигаются с места на место, друг от друга далеко не отходят и, насытившись, долго лежат, отдыхают. Пастуху можно и самому полежать в сторонке с книжкой, подремать или помечтать, и лишь время от времени приходится погоняться с хворостинной за отбившейся от стада буренкой.

Но я начинал не с коров, а с телят, к которым приставлен был после мучительного опыта на прополке. На прополке я, как читатель, может быть, помнит, быстро засыпал в борозде, здесь же было не до сна. Телята от своих взрослых сородичей сильно отличаются. Это ребята хулиганистые. Ранним утром, когда солнце только взошло и воздух прохладен, они ведут себя более или менее прилично. Но едва солнце поднялось повыше, появились и стали кусаться слепни, телята возбуждаются, задирают хвосты и — сначала в лес, на опушке которого я их пас, а там уже врассыпную. Чтобы найти каждого и согнать всех обратно в стадо, надо бегать весь день без передышки.

Мой двоюродный брат Эмка по малолетству не работал, но имел о телятах определенное мнение.

— А как ты с ними разговариваешь? — спросил он однажды.

— С кем? — не понял я.

— С телятами.

— Ты что, дурак? — удивился я. — Как можно разговаривать с животными? Это, может, у тебя в сказках они разговаривают, а мои телята человеческого языка не понимают.

— Очень хорошо понимают, — возразил Эмка. — Ты, когда за теленком бежишь, кричи ему: «...»

Он продемонстрировал, что именно я должен кричать, и получилось это у него не хуже, чем у старика Проворова.

— Ну, как? — выждав паузу, поинтересовался Эмка.

Я его познания оценил высоко, но когда сам попробовал повторить то, что кричал Эмка, язык мой не желал повиноваться. Эмка удивился. Ему казалось, это очень просто — сказать так (он привел пример) или эдак (другой пример).

— А если не научишься, тебе с телятами не справиться, — предупредил он с такой уверенностью, будто сам когда-нибудь с ними справлялся.

При нем повторить то, что он кричал, я не мог, а без него попробовал. Долго это у меня не получалось, а когда получилось, я увидел, что и тут Эмкин урок оказался полезен: язык, которым я овладел, в сочетании с хворостинной на телят действовал.

Работая на прополке, я зарабатывал не больше четверти трудодня, а за телят — по три с половиной. Три с половиной взрослой нормы! Столько же я получал потом, работая на машине под названием «ВИМ», что расшифровывалось просто: «Вейлка и Молотилка». Там была работа другая, конвейерная. Мне кидали сноп, я перекидывал его дальше. Такая работа лишь кажется скучной, но когда в нее втянешься, испытываешь то, что называется мышечной радостью. Она захватывает. Но и изматывает. Не зря и ее оценивали в три с половиной нормы. Так что осенью, когда колхозникам выдавали зерно, картошку и капусту, мне тоже что-то перепало.

По законам военного времени

В Назарове у меня вскоре появился новый друг Толик Проворов, сын того старика Проворова (может, он не такой уж был и старик), который возил на лошади навоз и больше других матерился. Почему-то в детстве моими

ГЕННАДИЙ НОВОМИЛОВ

Повторить при брате Эмке слова, с которыми он обращался к непослушным телятам, я не мог, а без него попробовал.

Долго это у меня не получалось, а когда получилось, я увидел, что в очередной раз Эмкин совет оказался полезен. Лексика, которой я овладел, в сочетании с хворостинной на телят быстро действовала.

друзьями чаще всего становились мои сверстники, носившие имя Толик. Этот Толик вместе со мной окончил четвертый класс, и в конце августа мы отправились записываться в пятый, в школу-семилетку, уже не в полутора, а в семи километрах от нас, в поселке, называвшемся, так же как и речка, Тошня.

Нас принял директор школы — неопрятный человек с всклокоченными волосами и постоянно спадающими штанами.

— Значит, вы обое, так скать, хотите учиться далее? — спросил он, подтягивая штаны. — Ну, что же, это очень хорошее, так скать, намерение, потому что советские дети должны хорошо учиться, особенно в период, так скать, напряженной смертельной войны с немецко-фашистской сворой. Твой отец, — он ткнул в меня пальцем, — булгахтер, и эта профессия нам тоже крайне необходима. А ты лично кем хочешь стать: летчиком или танкистом?

Имея столь ограниченный выбор, я сказал, что стану, пожалуй, летчиком, чем заслужил его одобрение. Толик же пожелал стать зоотехником.

— Тоже хорошо, — похвалил директор. — Летчик или танкист — это хорошо. Но нам же в мирное, так скать, время понадобятся не только летчики и танкисты. Кому-то ж надо будет и в мирное время сеять хлеб, варить сталь и ухаживать за скотом. Так что первого сентября приходите. Будем вас кое-чему, так скать, учить.

Незадолго до того мои родители съездили в Вологду, продали там полученную на трудодни капусту и купили мне замечательные сапоги-бурки с кожаным низом и войлочным верхом и общую тетрадь в колениковом переплете, что было тоже немалой ценностью. До этого в четвертом классе мы решали задачи и писали диктанты в блокнотиках, сшитых из эти-

кеток для сгущенного молока, которое делали в находившемся от нас через речку поселке Молочное. Одна сторона у этикеток была синяя, зато другая — белая, вполне пригодная для использования в качестве тетради.

С общей тетрадью, положенной за пазуху (портфеля не было), и в шикарном своем сапогах я отправился на первое занятие, надеясь, что и дальше буду учиться. Но два события помешали мне это осуществить. Сначала, еще по дороге в школу, развалились мои сапоги. Оказалось, что они сшиты гнилыми нитками и голенища тоже гнилые. Второе событие: мы с Толиком во время перемены между первым и вторым уроками затеяли средневековое сражение на пиках. В качестве пик нами были выдернуты из директорского забора два железных прута со сплюснутыми и заостренными наподобие пик концами.

О нашем сражении донесли директору, тот выскочил на улицу и попытался схватить нас обоих за уши. Это ему не удалось. Тем не менее он привел нас к себе в кабинет, где объявил врагами народа.

— Вы, — сказал директор, тыча поочередно пальцем то в Толика, то в меня, — фулюганы и пособники немецко-фашистских захватчиков. Вся наша страна, так скать, превозмогая и истекая кровью, сражается с неподсильным врагом, а вы тем временем портите социалистическое имущество. Вы знаете, что это значит? Это значит пятьдесят восьмая статья — вредительство. Всё, вы обое исключаетесь со школы, и чтоб я вас здесь более, так скать, не видел...

Я вернулся домой огорченный. Хоть боялся, но рассказал родителям правду. Однако, как я заметил, их мое исключение не очень огорчило и за сапоги они меня ругать тоже не стали.

Через некоторое время от директора школы принесли записку, из которой следовало, что я должен посещать занятия. О причине моего непосещения ни слова не говорилось, и родители решили, что я останусь дома. Пришла вторая записка, в которой я предупредился, что, если не явлюсь в школу, буду исключен. В третьей записке директор угрожал, что, если я не явлюсь, буду судим по законам военного времени. Родители успокоили меня, что угроза пустая, никакими законами не подкреплена. Директор прислал еще несколько записок, оставшихся без ответа. Так я остался дома, проучившись в пятом классе девяносто минут.

Бибиситер

Осенью мы переехали в совхоз Ермаково, ближе к Вологде (в Назарове родителей опять что-то не устроило). Отец работал все тем же бухгалтером, мама тоже кем-то в совхозной конторе, а я продолжал, говоря нынешним языком, «бибиситерствовать»: нянчил сестренку. Я развлекал ее как мог и сам развлекался. Например, надевал ей на голову бумажную корону, делал из тряпок подобие мантии, давал в руки палку-скипетр, усаживал на подушки, и она — ей не было еще и года — с удовольствием принимала важную позу. Стихи я ей читал не совсем по ее возрасту: шотландские баллады в переводах Жуковского. Чаще всего — мой любимый «Иванов вечер»: «До рассвета поднявшись, коня оседлал знаменитый смальгольмский барон. И без отдыха гнал меж утесов и скал он коня, торопясь в Бротерстон...»

Девочка внимательно слушала, и мне казалось, что она все понимает.

Не знаю, где родители доставали манную крупу, но она у нас была. Мама варила манную кашу, поручая мне в определенное время ее разогреть и покормить сестренку. Я разогревал, кормил, Фаина держала кашу во рту — и выплевывала. А у меня текли слюнки, но я терпел.

Ермаково считалось совхозом НКВД, и часть рабочих были заключенные. Но не все. Ни мои родители, ни я сам, ни наши соседи, взрослые и не взрослые, заключенными не были, но тоже работали в совхозе. Весной сестренку отдали в детский сад, а я нанялся сторожить огород с репой и брюквой от птиц. Точнее, от грачей. Тех самых, о которых в школьном учебнике был хвalebный стишок: «Всех перелетных птиц черней, ищет по полю червей. Взад-вперед по пашне вскачь. А зовется птица — грач». Оказалось, грачи не такие уж полезные: не только едят червей, но и вырывают с корнями еще неокрепшие овощи. Мальчишки, занимавшиеся той же работой, что и я, бегали по полю, кричали, кидали в грачей камни, выбиваясь из сил. Но я, читая книги о старой жизни, знал, что раньше сторожа стучали в какие-то колотушки. Это навело меня на мысль, в соответствии с которой я выпилил две деревянные и, стуча в них, отпугивал грачей издали. Устрашенные птицы перелетали на другой огород, а я залезал в шалаш и читал книгу.

Потом меня перевели работать на лошади с большей зарплатой (5 рублей 12 копеек в день). Лошадь я брал на конюшне, пригнал ее на огород и запрягал в распашник — плуг с двумя ручками и двумя лемехами. Распашник этот применялся для окучивания картошки и капусты. Работал я со взрослым напарником. Моя задача была: сидя верхом на лошади, направлять ее, чтобы двигалась точно по борозде. Напарник шел следом, вспахивая следующую борозду между кустами картошки и капусты.

Первое время я работал в паре с расконвоированным Федей, посаженным за убийство. Он и его друзья большой компанией забили какого-то парня до смерти. Федя считал себя невиновным. «Я его не убивал, — говорил Федя. — Я его только колышком».

Колышками назывались жерди, вырванные из забора.

Федя ел сырую картошку и уверял, что она очень вкусная. Я попробовал и спросил, что же в ней вкусного. Федя сказал: «Был бы ты такой голодный, как я, понял бы».

Я был еще недавно куда голоднее его, но теперь уже не понимал. Не зря говорят: сытый голодного не разумеет.

Продолжение следует